

Отзыв официального оппонента
О диссертации Александры Максимовны Дементьевой
«Лексические особенности шведского языка в Финляндии»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.04 – «Германские языки»

Диссертация А.М. Дементьевой посвящена актуальной теме германской и общей лингвистики — описания лексической системы регионального финляндского варианта шведского языка, возникшего и развивающегося в условиях интенсивных контактов с финским языком и другими языками. Проблема усложняется тем, что финляндский вариант шведского языка исторически развился в регионе, где сохраняются территориальные диалекты шведских переселенцев, которые отражают как архаические черты, сложившиеся в древне- и среднешведский период, так и существенные инновации, возникшие уже на почве Финляндии. В сравнительно-исторической германистике фонетические и грамматические черты данных диалектов, например, сохранение кратких корневых слогов и разрушение категории рода в отдельных шведских диалектах Финляндии, освещены едва ли не лучше, чем особенности регионального финляндского варианта шведского языка, которые обсуждаются, прежде всего, в имеющих социолингвистическую либо нормативную направленность трудах ученых Финляндии и Швеции. В этой связи выбор темы рецензируемого диссертационного исследования следует признать своевременным и значимым для отечественной и мировой науки. А.М. Дементьева ограничивается рассмотрением лексических особенностей современного финляндско-шведского языка, оставляя в стороне его фонетику и грамматику (последняя, впрочем, комментируется в диссертации при освещении словообразовательных моделей).

В данной области накоплено множество частных наблюдений и оценок, однако специальные работы, где они сделаны, сравнительно мало известны за пределами Финляндии, а репрезентативные современные монографические исследования отсутствуют.

Диссертация А.М. Дементьевой состоит из Введения, трех глав, Заключение, Списка литературы, Списка использованных сокращений и Приложения, где дается Словник финляндизмов. Общий объем диссертации 200 страниц.

Во Введении диссертант обосновывает актуальность, новизну, теоретическую и практическую значимость своей квалификационной работы, дает сведения о ее апробации, формулирует цели и обозначает методы исследования, а также перечисляет основные положения, выносимые на защиту (всего 9 тезисов).

Материалом исследования, как указано по Введению, является последняя версия словаря финляндизмов [af Hällström-Reijonen, Reuter 2010]. В диссертации содержится анализ всех включенных в словарь лексем (по данным диссертанта, их всего 1554), а также 280 фразеологизмов и устойчивых словосочетаний.

В первой главе, носящей название «Исследование финляндского варианта шведского языка в контексте языковой ситуации Финляндии», описывается история изучения региональной финляндского варианта шведского языка. Особые разделы посвящены языковой ситуации в Финляндии в период шведской метрополии, языковой ситуации периода вхождения Финляндии в состав Российской империи, языковой ситуации начала периода независимости и, наконец, современному состоянию. По ходу чтения главы оппонент убедился в целесообразности использования по отношению к данному материалу термина «финляндский», при первом впечатлении производящего впечатление канцеляризма: хорошая русская замена отсутствует, так как слово «финский» здесь не подходит, а выражение «финский шведский» неоднозначно и нетерминологично.

Во второй главе, носящей название «Иноязычное влияние на лексический состав финляндского варианта шведского языка», занимающей в работе центральное положение и являющейся наиболее подробной, прослеживается механизм влияния финского языка на лексический состав регионального варианта шведского языка Финляндии и обосновывается разграничение семи типов лексических и фразеологических заимствований и калькирования в исследуемом материале. Каждому типу посвящен особый раздел. Еще один раздел (№ 7 во второй главе) посвящен заимствованиям из других языков — английского, немецкого, русского, французского и латинского. Глава начинается с критики использованного источника — словаря ‘финляндизмов’ [af Hällström-Reijonen, Reuter 2010], который фиксирует единицы без учета их употребительности и частоты в корпусах текста. После краткого обсуждения традиционного разграничения эквивалентной и неэквивалентной лексики и понятия калькирования диссертант освещает многочисленные случаи семантического калькирования финских слов (стр. 36 — 44). В отдельную подгруппу выделяются ‘фенницизмы’, т.е. единицы, приобретшие в финляндском шведском дополнительные значения под влиянием финского языка (стр. 45 — 52). Прямые заимствования из финского языка, по данным диссертанта, составляют 7,5% от всех типов финляндизмов и 11,9% от всех типов фенницизмов. Около половины из них (57 из 117) представлено двусложными существительными. На странице 62-65 диссертант рассматривает случаи заимствования словообразовательных моделей. Заметим в этой связи, что для строгого доказательства факта заимствования продуктивной модели недостаточно указать на пару лексических единиц в обсуждаемых языках и отсутствие конкретной реализации этой модели в языке-мишени (региональном шведском). Нужно также показать, с какого времени данная словообразовательная модель и данная единица зафиксирована в языке-источнике (финском), а если она, в свою очередь, может быть заимствованной, указать ее источник. В пятом разделе второй

главы на стр. 66 — 72 рассматривается 32 лексических шведских архаизма, сохраненные в финском и через посредство финского продолжающие влиять на региональный вариант шведского языка. Здесь, по нашему мнению, стоило бы проверить, взяты ли данные архаизмы из литературного шведского языка или же из шведских диалектов. В шестом разделе второй главы на стр. 73 — 75 обсуждаются т.н. гибридные заимствования или «полукальки». В седьмом разделе освещаются лексические заимствования из английского, немецкого, французского и русского языков. При чтении этого раздела иногда возникает ощущение, что стоит прокомментировать, отражает ли заимствованная из английского, латинского и прочих языков собственно английские, латинские, русские слова или же фонд международной лексики. Последний раздел посвящен заимствованиям в области фразеологии. В целом, классификация А.М. Дементьевой производит весьма солидное впечатление, хотя в некоторых местах не хватает диахронического анализа ситуации в предполагаемом языке-источнике.

В третьей главе, носящей название «Самостоятельное развитие лексического состава финляндского варианта шведского языка», рассматриваются архаизмы и инновации в финляндском шведском языке, касающиеся лексики и фразеологии.

Отстаиваемый здесь общий тезис диссертанта состоит в том, что рассматриваемые в третьей главе инновации возникли без непосредственного влияния финского языка. Кроме того, в главе обсуждаются факты обратного влияния финляндско-шведского языка на финский и механизмы ассимиляции разнонаправленных влияний и пересчета лексических и фразеологических единиц в условиях финско-шведского двуязычия. Обсуждаются также архаизмы, историзмы и связь региональной лексики с диалектной лексикой шведского языка. Т.н. самостоятельные финляндизмы в первом разделе третьей главы на стр. 93 определяются как единицы, отсутствующие в литературном шведском языке. В этой группе, как можно понять, имеется и бытовая лексика, и культурные понятия, и элементы сленга. Во втором

разделе третьей главы на стр. 107 — 118 рассматривается устаревшая лексика (реально также и некоторые грамматические модели, связанные с этой лексикой). В названии следующего раздела фигурирует название 'семантические финляндизмы', которое, возможно, звучит чуть более научнообразно, чем это уместно: речь идет о развитии новых значений в лексике со скандинавским корнесловом. В четвертом разделе обсуждается диалектная лексика: для подкрепления своих рассуждений диссертант временами обращается также к фактам других скандинавских языков и диалектов. В пятом разделе обсуждаются инновации, связанные с 79 фразеологическими единицами.

В Заключении излагаются общие выводы. Основным источником лексических особенностей регионального финляндского варианта шведского языка признается финский язык, однако заимствование финской лексики осуществляется по моделям, свойственным шведскому языку, основным типом заимствования по итогам проведенного исследования признается калькирование.

Библиография включает 159 наименований, большая часть из них (130) — на иностранных языках, что отражает специфику избранной темы и состояние исследований в нашей стране. В Приложении содержится словник исследованной финляндско-шведской лексики (стр. 158 — 200). Его можно назвать и словарем, поскольку автор дает краткие русские переводы. Обоснованность вынесения данного ресурса в Приложение не вызывает сомнений. Полезность его была бы еще выше, если бы диссертант в каждом случае указал, как обозначается соответствующее понятие в литературном шведском языке.

Высокие достоинства рецензируемой диссертации А.М. Дементьевой — уровень владения материалом, логичность изложения, полнота, — несомненны. Вместе с тем, оппонент вправе сделать несколько замечаний. Работа носит преимущественно описательный характер и в существенной степени предопределена особенностями использованного исходного

материала — словаря финляндизмов — и инвентарем примененных методов словарного описания. С этим связано мое первое замечание.

1) В диссертации вообще не использованы методы корпусной лингвистики и не почти не приводятся контексты употребления обсуждаемых единиц лексики и фразеологии. Между тем, частотный словарь и сведения об употребительности/неупотребительности всех этих единиц в корпусе текстов (например, в подкорпусах газетных, художественных текстах, блогах и т.п.) существенно дополнил бы анализ словника финляндизмов.

2) В ряде случаев для оценки гипотез автора о заимствованиях словообразовательных моделей и/или единиц, построенных по продуктивным в языке-источнике моделям, не хватает более глубокого анализа ситуации в языке-источнике (прежде всего, в финском). Диссертант обычно принимает наличие некоторой единицы или словообразовательной модели в финском языке за данность и не задается вопросом, с какого времени эта единица зафиксирована и под каким влиянием могла возникнуть. Так, на стр. 46 автор утверждает, что переносное значение 'скучный' возникло у фин.шв. *slö* (лит. шв. = «тупой <предмет>» под влиянием финского, ср. фин. *tylsä elokuva* «скучный фильм» и фин.шв. *en slö film* 'то же'. Следовало бы объяснить, как это переносное значение возникло у финского слова, тем более, что соответствующее значение есть у англ. *slow* 'медленный', также 'тупой, неразвитый, вызывающий скуку'. На стр. 61 — 62 утверждается, что фин.шв. композиты с первыми компонентами-полупрефиксами *under* «под», *över* «над» калькируют соответствующие финские слова с компонентами *ali*-«под-», *ala*- «нижний», *yli*- «верхний». Даже если это так, трудно поверить, чтобы комментируемые лексические единицы и порождающая их продуктивная модель, отраженная в фин. *alivuokralainen* 'субарендатор', *alanumero* 'добавочный номер', букв. 'нижний арендатор', 'нижний номер' изначально существовали в финском языке и возникли в нем без контакта с международной лексикой и отраженных в ней словообразовательных моделях. Конверсивный глагол фин.шв. *skida*

‘кататься на лыжах’, образованный от skida ‘лыжа’, на стр. 65 объясняется, как частичная калька с фин. hiihtää ‘кататься на лыжах’: к сожалению, аргументация не развернута, а анализа конверсивов в финляндском шведском и финском языках в диссертации нет.

3) Аналогичное замечание мы вправе адресовать разделам диссертации, где обсуждаются гипотезы об отраженных в финляндском шведском семасиологических сдвигах в значении общих лексем и корней. Как представляется, в данном случае апелляции только к материалу современного литературного шведского языка недостаточно, так как в истории шведского языка тоже происходили семантические сдвиги. Поэтому значения слов и корней, зафиксированные в финляндском шведском, могут прямо или косвенно отражать семантический потенциал соответствующих единиц в древнешведском и среднешведском языках. Так, упоминаемое на стр. 46 значение фин.шв. strida ‘ссориться’ при лит. шв. ‘сражаться, биться’, засвидетельствовано в древнескандинавских языках: данный глагол изначально значить ‘враждовать’, а бытовая ссора и военный конфликт являются лишь конкретными реализациями данного значения.

4) На стр. 87 приводятся интересные примеры использования предикатива после переходного глагола, ср. фин. ha hett ‘кому-то жарко’, букв. ‘иметь жар’, ha varmt, букв. ‘иметь тепло’, ha kallt ‘мерзнуть’, букв. ‘иметь холодно’, которые объясняются как результат финского влияния, ср. X:-llä on kuuma / lämmin / kylmä. Такой фактор нельзя сбрасывать со счетов, однако в финском языке в соответствующей конструкции нет переходного глагола, зато в текстах древнескандинавского периода, в том числе, текстов древнеисландского языка, непосредственно не контактировавшего с финским, такая модель широко представлена. Известна она и из других европейских языков, особенно при температурных предикатах, ср. французский, итальянский, албанский языки.

Сделанные замечания, в основном, носят дискуссионный характер или имеют характер пожеланий к развитию темы диссертации и не влияют на

общую высокую оценку диссертационного исследования, имеющего теоретическую и практическую ценность. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.04 – «Германские языки» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Я заключаю, что диссертация А.М. Дементьевой «Лексические особенности шведского языка в Финляндии», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, является научно-квалификационной работой, содержащей решение задачи, которая имеет существенное значение для германской и ареальной лингвистики. Автор диссертации, А.М. Дементьева, несомненно, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – «Германские языки».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
Главный научный сотрудник проектной
Научно-исследовательской лаборатории
инновационных средств обучения русскому языку
ФГБОУ ВО
«Государственный институт имени А.С.Пушкина»
Антон Владимирович Циммерлинг

/А.В. Циммерлинг/

10.09.2018 г.

Подпись руки Циммерлинга
ЗАВЕРЯЮ: Ведущий специалист по кадрам
ОТДЕЛ КАДРОВ: Андрея Владимировича

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.04 – «Германские языки»

Адрес места работы:

117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования "Государственный институт русского языка им. А.С.
Пушкина"

Тел. 7(495) 330 88 01; e-mail: inbox@pushkin.institute